

С. А. Никонов

Мурманский арктический государственный университет,
Мурманск, Россия. snikonov-77@mail.ru

М. В. Толкачев

Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия. mikh.tolkachev@mail.ru

ДАТСКОЕ НАПАДЕНИЕ НА МУРМАНСКИЙ БЕРЕГ В 1623 г.: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И ИСТОЧНИКИ

В статье рассматриваются вопросы изучения источников о датском нападении на Мурманский берег в 1623 г., поводом к которому стал арест в Кольском остроге датского купца Климента Блума. В отечественной историографии нападение считали следствием территориальных разногласий Дании и Московского государства на Крайнем Севере, а скандинавские исследователи обращают внимание на экономические противоречия между странами. Документы о датском нападении отложились в фондах Российского государственного архива древних актов, представлены грамотами воевод Поморья, росписями разграбленного имущества, материалами следствия князя В. И. Туренина.

Ключевые слова: Мурманский берег, Климент Блум, нападение, Поморье, воевода, Кольский острог

Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 122060900077-6.

Авторы выражают признательность за помощь в работе и ценные консультации специалисту по языковым аспектам русско-датских дипломатических отношений доктору (Ph.D.) Карлу-Хенрику Лунду (Дания).

Отношения Московского государства и Дании, берущие свое начало с 1493 г. – даты заключения первого официального договора [Венге; Rare], в допетровский период развивались неравномерно: с одной стороны, были попытки сближения, заключающиеся в проектах династических браков в периоды правления Бориса Годунова (Ксении Годуновой и герцога Ганса) и Михаила Федоровича (Ирины Михайловны и королевича Вальдемара), с другой стороны, существовало территориальное соперничество на Крайнем Севере Европы. Своеобразной контактной зоной для России и объединенных Дании и Норвегии стал Кольский п-ов, где отсутствовали четкие границы и ясность в податном положении саамов – коренного населения региона. Возникший тогда комплекс проблем перешел «по наследству» Датскому королевству, включившему в себя по условиям Кальмарской унии 1397 г. Швецию и Норвегию¹, и Московскому государству, в состав которого после завоевания Новгородской земли в 1470-х гг. вошел Русский Север.

Отсутствие четких представлений о границах порождало взаимные претензии: Дании – на Кольский п-ов, Московского государства – на Финнмарк (Северную Норвегию). Несмотря на то что этот вопрос затрагивался в договорах двух стран 1562 и 1578 гг. [Никонов, Толкачев], напряжение не было снято, что вызвало попытки его решения как дипломатическим, так и военным путем.

Одним из эпизодов рассматриваемого конфликта стало нападение датской эскадры на Мурманский берег в июне – июле 1623 г. На побережье Баренцева моря развивался рыбный промысел, в котором принимали участие выходцы из разных районов Русского Севера. В отличие от южной части Кольского п-ова, омываемого Белым морем, здесь не возникло постоянных поселений. Промышленники приходили сюда на весенне-летний сезон, останавливаясь в промысловых поселках – становищах [Никонов, 2020б]. На побережье

¹ В 1523 г. Швеция вышла из состава унии.

развивалась и международная торговля, участниками которой были европейские купцы, в том числе и датчане. Свидетельством давнего присутствия датчан на Мурманском берегу является памятник эпиграфики – плита на о-ве Аникиев, на которой сохранились выбитые надписи моряков из Фленсбурга, Зондерборга, Скабо и других мест, датируемые XVI–XVII вв. [Гортер, Гортер; Кошечкин].

Причиной конфликта стал арест датского купца Климента Блума. В сентябре 1619 г. он прибыл в Кольский острог на судне «Святой Михаил» и остался на зимовку. В 1620 г. он с судовой командой был задержан воеводой Воином (Кузьмой) Кропоткиным за утверждение, что Кольский уезд был «нашею (Московского государства. – С. Н., М. Т.) и дацского короля опчею землею», и попытку незаконно проникнуть в Пустозерск и на Печору, а затем выслан на Двину². Имущество корабля «Святой Михаил» было конфисковано. Отпущенный спустя несколько месяцев домой датчанин убедил Копенгаген открыть военные действия на море против России.

Этот сюжет в отечественной и зарубежной научной литературе подробно не изучался. Именно поэтому, нам представляется, анализ историографии вопроса должен быть подкреплен характеристикой источников, не только отражающих ход событий, но и раскрывающих целый ряд смежных вопросов истории Русского Севера начала XVII в.

Краткие сведения о датском нападении 1623 г. встречаем в обобщающих работах дореволюционных исследователей. Так, Н. Н. Бантыш-Каменский и С. М. Соловьев отмечают, что на побережье Баренцева моря действовало шесть датских судов. Причиной нападений стала конфискация имущества датского купца Климента Блума [Бантыш-Каменский, с. 217; Соловьев, с. 140–141].

Другой исследователь, архимандрит Досифей (Немчинов), отмечал, что нападение готовилось несколькими годами ранее: в 1619 г. в Соловецкий монастырь из Москвы сообщалось о претензиях Дании на территорию Кольского п-ова и готовящемся походе военной эскадры. Соловецкие власти должны были подготовиться к возможному нападению неприятеля [Досифей (Немчинов), с. 125–126]. Факт датского нападения 1623 г. констатируется и А. А. Савичем в обобщающей работе по истории хозяйства Соловецкого монастыря [Савич, с. 78].

Больше внимания событиям 1623 г. уделяют советские исследователи в работах, вышедших во второй половине XX в. М. И. Белов видел причину нападения в стремлении Дании «разведать Северо-Восточный проход» – Северный морской путь, способный открыть дорогу к приполярной Сибири и восточным странам [Белов, с. 89–95]. Русские власти препятствовали этому, что и привело к конфликту.

Г. Г. Фруменков связывал события 1623 г. с территориальным конфликтом на Крайнем Севере между Россией и Данией. Крепость Соловецкого монастыря в 1621 г. готовилась к возможному нападению неприятеля, выступая форпостом государства на Русском Севере [Фруменков, с. 54–55].

Не только политическими, но и экономическими причинами объяснял датское нападение И. П. Шаскольский. В 1619 г. в Копенгагене при поддержке короля Христиана IV была создана Печорская компания для ведения торговли на Русском Севере. В устье р. Печоры был отправлен корабль «Святой Михаил», арестованный на обратном пути в Кольском остроге [Шаскольский, с. 30]. Именно это и стало причиной событий 1623 г., «поскольку в печорской экспедиции были материально заинтересованы многие влиятельные копенгагенские купцы и сам король, неудача

² Обстоятельства ареста Клима Юрьева излагаются в царских грамотах датскому королю Христиану IV 1622–1623 гг. (см.: Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым // РИБ. СПб., 1897. Т. 16. № 113. Стб. 572–582; № 117. Стб. 591–600).

экспедиции и задержание ее товаров русскими властями привели к серьезному конфликту» [Шаскольский, с. 30–31]. Нападение, таким образом, должно было компенсировать убытки, понесенные компанией. Последующее втягивание Дании в Тридцатилетнюю войну привело к затуханию конфликта на Русском Севере.

И. Ф. Ушаков рассматривает арест датского купца Блума и конфискацию имущества как предлог для нападения 1623 г. Причиной был территориальный конфликт Дании и России на Крайнем Севере, особенно остро обозначившийся, по мнению историка, в 1618 г. [Ушаков, с. 91–92; Ушаков, Дащинский, с. 18]. Исследователь обратил внимание на то, что в 1621–1622 гг. датские корабли уже совершали рейды к Мурманскому берегу, но масштабы их агрессии заметно уступали действиям неприятеля в 1623 г. И. Ф. Ушаков не обошел вниманием и отдельные эпизоды нападения, ранее не освещавшиеся в историографии: небольшое сражение датских и русских сил в устье р. Териберки, грабеж русских промышленников датчанами [Ушаков, с. 92–93]. От действий датской эскадры «пострадали не только русская казна, купцы и владельцы промыслов, но и рядовые труженики-рыбаки» [Ушаков, с. 93]. Общий объем ущерба оценивался ученым в 54 тысячи рублей.

Подходы к оценке датского нападения 1623 г., выработанные в отечественной историографии 1950–1980-х гг., получили свое продолжение на современном этапе. Территориальным конфликтом России и Дании на Крайнем Севере объясняют эти события В. А. Державин, П. В. Федоров, Р. А. Давыдов, И. М. Гостев [Гостев, Давыдов, с. 21–22; Державин, с. 108–109; Федоров, 2006, с. 155; Федоров, 2017, с. 71; Федоров, 2021, с. 167–168]. Обращает на себя внимание позиция П. В. Федорова, считающего, что существенной причиной использования военных средств в конфликте стала ликвидация к началу 1620-х гг. системы двоеданничества саамов – взаимного налогообложения Россией и Данией на территории Кольского п-ова и Финнмарка [Федоров, 2017, с. 71–72; Федоров, 2021, с. 167–168].

Г. М. Коваленко была рассмотрена предыстория конфликта 1623 г. [Коваленко]. Климент Блум, неоднократно бывавший в Кольском остроге, имел хорошие отношения с местной администрацией. Заявление датчанина о том, что уезд – «опщая» земля русского царя и датского короля, обернулось арестом и конфискацией имущества. Именно Климент Блум, заявивший по возвращении на родину об аресте и унижении, инициировал нападение морской эскадры [Коваленко, с. 58–60]. В конфликте 1623 г., по мнению исследователя, переплелись экономические и политические противоречия между Россией и Данией: ослабление страны после Смуты вызвало у датской стороны соблазн решить давний территориальный конфликт в свою пользу. Это намерение поддерживалось датским купечеством, стремившимся проникнуть на Русский Север и наталкивавшимся на препятствие со стороны московских властей [Коваленко, с. 60, 62].

Военный аспект конфликта 1623 г. был рассмотрен одним из авторов настоящей статьи [Никонов, 2020а]. С. А. Никонов предпринял попытку оценить масштабы и тактику действий датчан на Мурманском берегу, меры, предпринимавшиеся властями Кольского и Двинского уездов, Соловецкой крепости для организации обороны Поморья. Важным представляется вывод о выжидательной позиции русской администрации, не стремившейся идти на обострение конфликта, а также об осторожности датского командования, ограничившегося грабительскими действиями и воздерживавшегося от полномасштабных военных действий [Никонов, 2020а, с. 211–212].

Скандинавская (датская и норвежская) историография обращает внимание на причины конфликта, не отмеченные российскими исследователями. О. А. Йонсен, учитывая территориальные разногласия России и Дании на Крайнем Севере, отмечал, что

датская сторона стремилась контролировать проход европейских судов в Баренцевом море, что препятствовало торговле на Мурманском берегу. Непосредственным поводом к нападению стал запрет на проход на Печору, наложенный российскими властями, и арест имущества Блума в Коле [Johnsen, s. 142–143].

К. Селнес обратил внимание на роль К. Блума в развязывании конфликта: он убеждал датские власти в незаконном аресте его имущества в Коле, причиненном ему моральном и материальном ущербе. Причины конфликта были связаны как с территориальными разногласиями двух стран, так и со стремлением Дании контролировать морские коммуникации в Баренцевом море [Selnes, s. 158–160].

Экономические противоречия как причина нападения 1623 г. рассматриваются К. Расмуссенем, С. О. Кристенсенем и К. С. Христенсенем [Кристенсен; Christensen; Rasmussen]. Создание Печорской компании, участником которой был Христиан IV, неудача экспедиции корабля «Святой Михаил» к Печоре, последующий арест имущества К. Блума – все это вызвало нападение датской эскадры. Последствиями нападения были упадок русско-датской торговли на Севере и прекращение деятельности компании [Кристенсен, с. 41].

История Печорской компании была рассмотрена в специальном исследовании С. Дальгорда [Dalgård]. Русско-европейские контакты в Арктике способствовали распространению информации о богатстве биоресурсов (рыбы, морского зверя, пушнины), доступ к которым хотели получить и датские купцы. Королем Христианом IV была обеспечена половина капитала компании. Конфискация имущества корабля «Святой Михаил» и отказ российской стороны компенсировать убытки привели к нападению датской эскадры [Dalgård, s. 92–96].

Значительно углубляет наши представления об истоках русско-датского конфликта на Мурманском берегу работа П. Поульсена-Хансена. Помимо территориальных разногласий двух стран, существенным фактором обострения отношений стало развитие промысла пушнины на Русском Севере, куда хотели проникнуть датчане. В 1609–1610 гг. Дания организовала экспедицию Йенса Мунка на Новую Землю, в ходе которой была получена информация о возможностях добычи пушнины. Следующим шагом стало создание в 1619 г. Печорской компании, которая должна была вести промысел и торговлю на Севере без посредничества русских властей. Крах ее деятельности, как известно, обернулся датским нападением 1623 г. Добиться эффекта неожиданности датчане не смогли, поскольку сведения о подготовке похода стали известны русской стороне от голландских и немецких (гамбургских) купцов [Poulsen-Hansen, p. 176].

Скандинавские ученые принимают во внимание и фактор Тридцатилетней войны, переключивший внимание Дании на дела в Европе, отодвинув на второй план территориальные разногласия на Крайнем Севере [Selnes, s. 167].

При изучении событий 1623 г. ученые обращались к небольшой группе источников, введенных в научный оборот еще в XIX в. Это царские грамоты 1620–1623 гг. датскому королю Христиану IV, излагающие обстоятельства ареста и конфискации имущества Климента Блума³, протест против действий датского флота у Мурманского берега в 1621 и 1623 гг.⁴; грамоты 1619 г. двинскому воеводе А. В. Хилкову об освобождении арестованного датчанина, властям Соловецкого монастыря о подготовке к обороне на случай военной угрозы⁵ [Досифей (Немчинов), с. 103–106]. Связаны с этим комплексом документов и царские грамоты о запрете

³ РИБ. Т. 16. № 110. Стб. 551–556; № 113. Стб. 571–582; № 117. Стб. 589–604.

⁴ Там же. № 113. Стб. 580–581; № 117. Стб. 600–601.

⁵ Там же. № 108. Стб. 547–550.

на проход иностранных промышленников по Северному морскому пути к Пустозерску и Печоре, составленные накануне обострения отношений с Данией в 1619 г.⁶

К архивным источникам исследователи обращались выборочно, предлагая беглую характеристику событий 1623 г. (И. Ф. Ушаков) или же заостряя внимание на отдельных аспектах: аресте Климента Блума, грабеже имущества русских промышленников (Г. М. Коваленко, Б. И. Кошечкин [Кошечкин, с. 18–19]). Использовались документы о нападении 1623 г. и для рассмотрения таких смежных вопросов, как развитие мурманского промысла и организация таможенного дела на побережье Баренцева моря в начале 1620-х гг. [Никонов, 2020б, с. 130, 336–337; Ульянов].

Не случайно, что в анализируемых работах содержатся неясности по целому ряду частных вопросов, а именно: число датских судов, хронологические рамки нападения, масштабы разорения неприятелем побережья Баренцева моря. Встречаются и фактические ошибки, искажающие суть происходивших событий, например утверждение М. И. Белова о разорении датчанами Кольского острога или Г. М. Коваленко о действиях вражеского флота в Белом море. Нельзя не признать, что отсутствие целостного исследования датского нападения на Мурман в 1623 г. находится в некотором несоответствии с сохранившимися источниками, не только позволяющими раскрыть этот драматичный эпизод русско-датских отношений, но и установить подоплеку нападения.

Комплекс документов о датском нападении на Мурманский берег отложился в фондах РГАДА «Сношения России с Данией» (ф. 53)⁷ и «Приказные дела новой разборки» (ф. 159)⁸. Выделяются две группы источников. Первая из них отражает нападение датчан на Мурманский берег и его последствия и представлена такими документами, как грамоты воевод Двинского и Кольского уездов, Соловецкой крепости, а также росписями разграбленного имущества таможенных целовальников и русских промышленников.

Вторая группа включает материалы розыска, проведенного в октябре – ноябре 1623 г. в Кольском остроге стольником князем Василием Ивановичем Турениным. Целью розыска, как будет показано далее, являлось выяснение обстоятельств пребывания и ареста Клим Юрьева, выявление злоупотреблений местной администрации и таможенных целовальников мурманского промысла. Под руководством князя В. И. Туренина было составлено описание острога и его арсенала, выполнен чертеж крепостных сооружений. Последний, к сожалению, не сохранился [Никонов, 2017].

Обратимся к первой группе источников. Состав воеводских грамот отражен в таблице.

Таблица

Грамоты двинского, кольского и соловецкого воевод 1623 г.⁹

Грамоты	Всего	% от общего числа
Двинского воеводы князя Д. П. Пожарского и дьяка М. Сомова	6	40
Двинского воеводы Н. Д. Вельяминова и дьяка М. Сомова	1	7
Кольского воеводы Г. И. Волинцева и подьячего Н. Власьева	7	46
Соловецкого воеводы М. Спешнева	1	7
Итого	15	100

⁶ Там же. № 105. Стб. 518–528.

⁷ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1.

⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 740, 962, 1281.

⁹ Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 1–16, 30–37, 50–58, 60–61, 72, 81–87, 90, 92–97, 110–129, 130–140, 143–148, 301–303, 305–307.

Грамоты двинского воеводы князя Дмитрия Петровича Пожарского и дьяка Матвея Сомова датированы периодом с 18 июля по 16 сентября 1623 г. и адресованы царю Михаилу Федоровичу. Документы включают показания разных групп лиц, свидетелей датского нападения и потерпевших. Очевидцами драматических событий были лодейщики – хозяева и члены судовых команд лодий, отправлявшихся с Двины в Кольский острог для доставки грузов и торговли, промышленники-рыбаки, стрельцы, иностранные купцы и моряки (голландец Еремей Любс, Яков Фрянчиков, Ян Лютар), чьи суда пришли на Мурманский берег для торговли. Показания беглецов не только свидетельствуют о действиях неприятеля на побережье. Интерес власти вызывал боевой потенциал датчан (количество судов, численность войска, тактика действий) и их планы. Согласно показаниям, нападение было вызвано давним территориальным конфликтом России и Дании на Крайнем Севере: «сошлася-де с московским государем государя нашего королевская земля, и с лопи-де имали дань на московсково государя, и на нашего датцково короля, и на свийского. И московской-де государь государя нашего землею владеет много лет»¹⁰.

Помимо записанных устных свидетельств, грамоты воеводы Д. П. Пожарского содержат пересказы грамот кольского и соловецкого воевод, присланных на Двину¹¹. Это позволяет выявить попытку координации действий между воеводами, а также раскрывает ведущую роль двинского воеводы в организации обороны Поморья летом 1623 г.

Грамоты включают сведения, имеющие косвенное отношение к событиям на Мурманском берегу. Так, в грамоту от 30 июля 1623 г. вошла запись показаний архангельских «старожильцев», стрельцов Матвея Ложьева, Ивана Паниловца, Ивана Ефимова с товарищами о сухопутном маршруте в Кольский острог. В записи поясняется, что стрельцы ранее ходили в Колу «в осадное время»¹². Возможно, речь идет о событиях 1591 или 1611 г., когда острог подвергся нападению шведских сил. Известно, что в 1598/1599 г. Соловецкий монастырь отправил на службу в Кольский острог 15 донских и сибирских казаков¹³.

Сменивший князя Пожарского в должности воевода Д. Н. Вельяминов сообщал царю о прибытии на Двину князя Василия Туренина и дьяка Воина Трескина, назначенных для проведения следствия о датском нападении в Кольском остроге. В обязанности двинского воеводы входила подготовка судна для отправки Туренина и Трескина в Колу¹⁴.

Грамоты кольского воеводы Гурия Волынцева и подьячего Никиты Власьева имеют разных адресатов. Три из них, отправленные царю Михаилу Федоровичу, содержат показания таможенных целовальников и стрельцов о нападении датчан и разграблении государственной казны на Мурмане, а также сообщают об отправке росписей разграбленного имущества¹⁵. Одна грамота воеводы, посланная предводителю датской эскадры «воеводе Микулаю» (Йенс Мунк), требует прекратить разорять русских промышленников¹⁶. Две грамоты, адресованные двинскому воеводе Пожарскому, содержат показания архангельских и кольских стрельцов о действиях неприятеля на побережье, сражении с датчанами в начале июля 1623 г. в устье р. Териберки¹⁷. Подлинники последних не сохранились, их пересказ дан в грамотах двинского воеводы князя Д. П. Пожарского.

¹⁰ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 92–93, 125.

¹¹ Там же. Л. 4–8, 122–125, 133–138.

¹² Там же. Л. 15–16.

¹³ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. / Сост. Е. Б. Французова. М.; СПб., 2013. С. 460.

¹⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 301–302.

¹⁵ Там же. Л. 30–35, 139–140, 143–148, 303, 305–307.

¹⁶ Там же. Л. 36–37.

¹⁷ Там же. Л. 122–123, 133–134.

Единственная грамота соловецкого воеводы Михаила Спешнева включает показания крестьян поморских волостей – Сумского острога и Шунженской волости, входивших в вотчину Соловецкого монастыря¹⁸. Их ценность заключается в том, что они дают информацию о начальном этапе нападения датской эскадры, действовавшей в районе п-ова Рыбачий в июне 1623 г.

Рассматриваемые грамоты воевод Поморья содержат оценку военного потенциала вверенных им гарнизонов и крепостей. Так, по сведениям двинского воеводы князя Пожарского, в уезде было 480 стрельцов, 30 пушкарей и затинщиков, размещавшихся в Холмогорах и Архангельске¹⁹. Имеющиеся силы могли сыграть роль в обороне административных центров Двинского уезда, но не были готовы оказывать помощь Соловецкой крепости и Кольскому острогу. Воевода предпринимал меры для наращивания потенциала: «на посадех ... и в уезде» велся учет «жилетцких людей со всякими бои»²⁰.

Описи разграбленного имущества, составленные таможенными целовальниками, промышленниками и пассажирами двинских лодей, имеют различные заголовки: роспись, память, выпись. Документы сохранились в подлинниках²¹ и списках²², причем полного совпадения между ними нет, что позволяет сделать вывод об утрате какой-то части росписей. Наличие списков росписей дает возможность в некоторых случаях восстановить полный текст документа, имеющего утраты в подлиннике. Сведения о разграбленном имуществе собирались в Кольском остроге воеводой Гурием Волинцевым²³, после чего были отправлены в Москву. Какая-то часть промышленников, спасаясь от датчан, не заходила в Кольский острог, держа курс на своих судах к Соловецкой крепости и на Двину. Собирали ли у них такие сведения местная администрация, установить не удалось. В общей сложности нами выявлено 57 росписей.

Нельзя не отметить, что росписи составлялись как индивидуально, так и коллективно, когда грабежу подвергалась либо группа промышленников – выходцев из одной волости, либо судовая команда лодьи. Коллективный характер, например, имели росписи кандалакшских крестьян И. Желобова, Г. И. Иевлева, Д. М. Бахты, К. Иванова, К. Яковлева, К. Григорьева, С. Кореня, Н. Иванова, продававших добытую рыбу датским «гостям»²⁴.

Росписи раскрывают состав подвергшихся нападению промышленников. Значительная их часть – это рыбаки-мурманщики, участники сезонного промысла трески и палтуса. Датчане захватывали у них промысловые снасти и суда, личное имущество, отнимали деньги, вырученные от продажи рыбы, срывали торговые сделки.

Были среди ограбленных и те, кто, скорее всего, выезжал на Мурман не только для рыбного промысла, но и для торговли. Так, у колянина Андрея Тупаря и Огафьицы Никифоровой дочери на о-ве Кильдин датчанами были захвачены котлы, хлеб, крупы, одежда, сапоги, шелковое полотно, серебряные кресты²⁵. Более отчетливо участие пострадавшего в торговле заметно в росписи стрельца Кости Васильева, выполнявшего обязанности дьячка²⁶. В становище Лавышево на п-ове Рыбачьем у него были отняты предметы верхней одежды (однорядка и кафтан, шуба), кунья шапка, обувь, исподнее (рубашки, порты, чулки), постельные принадлежности (подушка, оленья постель, наволочки) и др. Примечательно, что среди

¹⁸ Там же. Л. 50–52, 60–61, 72.

¹⁹ Там же. Л. 13.

²⁰ Там же. Л. 97.

²¹ Там же. Л. 308–364.

²² РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 962. Л. 38–80; Д. 1281. Л. 83–91.

²³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 303, 305–307.

²⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 962. Л. 54–58.

²⁵ Там же. Л. 71.

²⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1281. Л. 45.

отнятого датчанами были «соборник в тетратех, скорописью писан» и медная чернильница²⁷. Упоминание в некоторых росписях широкой номенклатуры звериных шкур (куницы, соболя, росомахи, лисицы, оленя, рыси) говорит о развитии пушной торговли²⁸. Покупателями этого товара были датские купцы.

Росписи, имея вполне определенную цель представить властям полный перечень утраченного имущества, вместе с тем передают драматизм и напряжение пережитого промышленниками нападения. Так, Федор Савельев сын Сухая Денга сообщал, что у него «черес²⁹ был с яфимками связан за судно и спущен в воду». «Немецким людям» удалось его увидеть и отнять у Федора 53 ефимка³⁰. Коляне Ивашка и Калина Карповы продавали датским купцам Якову Угреватому и Петру Корнилову добычу рыбного промысла. Во время расчета промышленники были застигнуты врасплох «датскими немцами», которые их «на свой караваль воинской свели в полон»³¹. Кандалакшские крестьяне Иван Желобов и Григорий Лобан попытались спрятать задаток от продажи рыбы в «пустой избы», но датчане «нашли их, каптину привезли»³².

Выделим и сводную роспись «государеве казне, денгам и ефимкам», захваченным неприятелем в становищах Лавышево, Кильдин и Типуново. Она содержит сведения о суммах, вырученных таможенными целовальниками от взимания десятины с продажи рыбы, «кабацкого збору» и различных пошлин³³.

Вторая группа документов представлена материалами розыска, проведенного в Кольском остроге князем В. И. Турениным и дьяком В. Трескиным в соответствии с царским наказом. Текст последнего нами не выявлен. Документы датированы периодом между 30 октября и 29 ноября 1623 г. и включают показания разных групп населения уезда: стрельцов и посадских людей, братья Троицкого Печенгского и Пречистенского Кандалакшского монастырей, крестьян Кандалакшской, Керетской и Ковдской волостей. Показания были взяты и у таможенных целовальников мурманского промысла, ответственных за сбор десятой рыбы и продажу спиртного, прежнего воеводы Гурия Волынцева и подьячего Никиты Власьева. Последние отвечали на обвинения, содержащиеся в расспросах.

Показания должны были прояснить следующие вопросы: были ли притеснения «от тех воевод, и от приказных людей, и от целовальников торговым немцом Датские земли и иных земель, которые приежжают в Колской острог и по становищам, и руским торговым людям в продажах и в посулах»; куда делись «ефимки и про хлеб, которую государеву казну и хлеб поимали датского короля воинские люди»; обстоятельства, предшествующие нападению («про дацкого немчина про Клима Юрьева и про иных немецких людей, которые зимовали с Климом в Кольском остроге, и про их товары и животы»)³⁴. В ходе розыска следовало установить обстоятельства ареста имущества датчанина Блума, ставшего поводом для нападения, злоупотребления кольской администрации по отношению к иностранным и русским промышленникам на Мурманском берегу. Наличие злоупотреблений следствие рассматривало как причину датского нападения.

Расспрос дал повод для многочисленных жалоб населения Кольского уезда на злоупотребления администрации. Мурманские целовальники, по мнению допрашиваемых,

²⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 962. Л. 77.

²⁸ Там же. Л. 48–49.

²⁹ Черес – кожаный кошелек или пояс для хранения денег.

³⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 962. Л. 50–51.

³¹ Там же. Л. 51.

³² Там же. Л. 54.

³³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1281. Л. 16–17.

³⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 740. Л. 2; Д. 1281. Л. 22, 34.

были «накупными», назначенными на должность не по «мирскому выбору», а за взятку воеводе, исполняя дела «годы по три и по четыре»³⁵. Во время датского нападения Пятку Морохотье, одного из целовальников, уличали в том, что он «схоронил» на о-ве Кильдин у лопаря «государевы казны ефимков и сукон»³⁶. Он же вытребовал у одного иноземного купца «стопу золотую», спрятал ее под скией³⁷ в становище Чевруй-наволок³⁸. Целовальники, «которые по морским по удебным³⁹ становищам ездят», не брезговали взиманием «гостинцев» у «иноземцов у торговых людей». Взятые «гостинцы» – ефимки и сукна – затем передавались воеводам⁴⁰.

Морохотье обвинялся и в утрате бдительности в условиях неприятельского нападения. Так, отправленный специально к целовальнику на о-в Кильдин стрелец Слотка, поторапливая Пятку («чево-де доспать⁴¹, не к спанью пришло») спрятать казну, натолкнулся на недоверие к тревожной вести: «Тому стрелцу веры не понял и стрел[ца] бранил»⁴².

Были претензии к воеводе Гурию Вольтцеву, которого крестьяне Кандалакши и Керети уличали в незаконном требовании подвод для перевозки собственных грузов, изъятии слюды и торговле хлебом и др.⁴³

Самостоятельное значение имел допрос братии Троицкого Печенгского монастыря (20 ноября)⁴⁴, головы, сотников и пушкарей кольского стрелецкого гарнизона (25, 29 ноября)⁴⁵, в ходе которого выяснялись обстоятельства пребывания Клим Юрьева в Кольском остроге, ареста его имущества, произведенного воеводой князем Воином Кропоткиным и подьячим Андреем Усовым. Материалы допросов раскрывают характер взаимоотношений администрации Кольского уезда с иностранными промышленниками (датчанами, англичанами и голландцами), обстоятельства ареста имущества и последующей высылки на Двину Клим Юрьева. Дружеские отношения у Клим сложились с кольскими воеводами, с дозволения которых датчанин пиво «варил на государевой поварне в государевых судах». Местные власти «ходили пировать на гостинной двор (к Климу Юрьеву – С. Н., М. Т.)», после чего совершались ответные визиты «в острог пировать»⁴⁶. На корабль датчанина, стоявший на приколе в Кольском заливе, ездили кольский воевода Серой Чеглоков, подьячий Второй Шестаков, а также представители посада и стрелецкого гарнизона Колы, где их одаривали и заключались торговые сделки⁴⁷.

Эти показания контрастируют с представленным в царских грамотах утверждением, что кольская администрация только и ожидала момента, чтобы взять датчанина под стражу: «Наши колские приказные люди, слыша ево непригожие речи, отослали ево к Архангелскому городу со всем за то, что он говорит»⁴⁸. В действительности, администрация уезда старалась поддерживать взаимовыгодные отношения с Климентом Блумом и другими иностранцами, останавливавшимися в Коле.

³⁵ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1281. Л. 58, 75.

³⁶ Там же. Л. 24.

³⁷ Скиа (скея) – амбар для хранения рыбы.

³⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1281. Л. 63.

³⁹ Удебные – рыболовные.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1281. Л. 39–40.

⁴¹ Так в рукописи.

⁴² РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1281. Л. 62.

⁴³ Там же. Л. 30–31, 68–73, 75–76.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 740. Л. 1–6 об.

⁴⁵ Там же. Л. 7–13.

⁴⁶ Там же. Л. 11.

⁴⁷ Там же. Л. 7–8.

⁴⁸ РИБ. Т. 16. № 110. Стб. 553.

К разрыву привычных взаимоотношений привело заявление датчанина о том, что «Колской острог государевой и датцкого короля землею вопщею»⁴⁹ является. О посягательстве датской стороны на территории Крайнего Севера как мотиве нападения 1623 г. сообщали русские промышленники, побывавшие в плену у неприятеля⁵⁰. Материалы расспросов раскрывают эмоциональный характер этого заявления, сделанного в ответ на запрет кольского воеводы Пимена Юшкова «питья купити» у датчанина Клим Юрьева, торговавшего, напомним, в Коле пивом⁵¹.

Немаловажными представляются и свидетельства о русско-европейских контактах в Кольском уезде. Иностранцы намеренно оставались жить в Коле и поморских волостях для изучения русского языка («по воевоцкому веленью зимовали для торгу и для ученья русково языка»); двое «немчинов» жили в Кандалакшском монастыре, один – в Ковдской волости⁵².

В историографии, таким образом, были выработаны общие подходы к оценке датского нападения на Мурманский берег в 1623 г. Это событие в истории русско-датских отношений рассматривается в контексте политических и экономических противоречий: территориальных разногласий на Крайнем Севере, хозяйственных интересов Дании в Арктике, вызывавших опасения и противодействие со стороны Московского государства. При этом концептуальный подход к оценке событий в изучении вопроса преобладает над проработкой фактического материала.

Как было показано, сохранившиеся источники дают возможность детально восстановить хронологию датского нападения, тактику неприятеля в разорении побережья Баренцева моря, организацию обороны Поморья воеводами Кольского и Двинского уездов, Соловецкой крепости. Следствие, проведенное князем В. И. Турениным после завершения событий, сопровождалось расспросами разных групп населения Кольского уезда. Материалы следствия дают возможность выявить не только предысторию конфликта, но и ряд проблем, выходящих за рамки русско-датского конфликта 1623 г.: таможенное управление на Мурманском берегу, воеводская власть в Кольском уезде, торговля и взаимоотношения русских и датчан на Крайнем Севере.

Отдельного внимания заслуживает изучение датских источников о событиях 1623 г. Скандинавские исследователи, обращавшиеся к этому вопросу, опирались преимущественно на опубликованные документы: царские грамоты датскому королю, введенные в научный оборот Ю. Н. Щербачевым, а также датские источники: «дневник» предводителя эскадры Йенса Мунка, документы королевской канцелярии.

Литература

- Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год): Ч. 1–4. М., 1894. [Ч. 1]. (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). X, [6], 304 с.
- Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. 591 с., 6 л. карт.
- Венге М.* Копенгагенский трактат 1493 года и датско-русские связи в XVI веке // Дания и Россия – 500 лет. М., 1996. С. 10–33.
- Гортер А. А., Гортер В. Т.* Каменная летопись на Большом Аникиеве // Соловецкое море. Архангельск; М., 2014. Вып. 13. С. 58–68.
- Гостев И. М., Давыдов Р. А.* Русский Север в войнах XVI–XIX веков. Архангельск, 2014. 262 с.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 740. Л. 8.

⁵⁰ Там же. Л. 3, 8, 11.

⁵¹ Там же. Л. 8–9.

⁵² Там же. Л. 5.

- Державин В. А. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006. 143 с.
- Досифей (Немчинов), архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря и других подведомых сей обители монастырей, скитов, приходских церквей и подворьев, с присовокуплением многих царских, патриарших и других, знаменитых гражданских и духовных лиц, граммат, относящихся к истории сего монастыря. Изд. 2-е. М., 1853. Ч. 1. 298 с.
- Коваленко Г. М. The case of Clement Blume. Эпизод из истории датско-русских отношений XVII века // Политическая история и историография (от античности до современности). Петрозаводск, 2000. Вып. 3. С. 58–63.
- Кошечкин Б. И. Имена на скале. Л., 1981. 45 с.
- Кристенсен С. О. Датско-русские связи в период 1602–1658 годов // Дания и Россия – 500 лет. М., 1996. С. 34–61.
- Никонов С. А. Воевода Василий Туренин и укрепление обороноспособности Кольского острога в начале 1620-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 153–157.
- Никонов С. А. Датское нападение на Мурманский берег в 1623 г.: к вопросу об организации обороны Поморья // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: к 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 204–212. [Никонов, 2020a]
- Никонов С. А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2020. DOI 10.31754/nestor4469-1771-6 [Никонов, 2020b]
- Никонов С. А., Толкачев М. В. Подданные двух государей: саамские погосты Кольского полуострова в условиях русско-датского пограничного конфликта второй половины XVI – первой четверти XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1 (83). С. 66–84. DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.005
- Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII в. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927. [8], 280 с.
- Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1990. Кн. 5. Т. 9–10. 718 с.
- Ульянов Н. И. Феодалная колонизация и экономика Мурмана в XVII в. // Исторический сборник: В 5 т. Л., 1934. Т. 1. С. 89–139.
- Ушаков И. Ф. Кольская земля: Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. 672 с.
- Ушаков И. Ф., Дащинский С. Н. Кола. Мурманск, 1983. 193 с.
- Федоров П. В. «Лапландский спор» // ВИ. 2006. № 9. С. 152–156.
- Федоров П. В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии) // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 53–75.
- Федоров П. В. Россия, окруженная водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991. СПб., 2021. 726 с.
- Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI–XIX веках. Архангельск, 1963. 139 с.
- Шаскольский И. П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Л., 1970. С. 9–63.
- Christensen C. S. Denmark-Russia Relations in the Years 1493–1924: Vikings, the Baltic Sea, Sweden, Poland – Lithuania, Royal Dynasties, Tsar Peter III, Naval Officers and Trade Companies // Studia Humanitatis. 2018. No. 3. URL: <http://st-hum.ru/content/christensen-cs-denmark-russia-relations-years-1493-1924-vikings-baltic-sea-sweden-poland> (дата обращения: 18.11.2021).
- Dalgård S. Det Petsoriske kompagni af 1619. København, 1955. 103 s.
- Johnsen O. A. Finmarkens politiske historie: aktmæssig fremstillet. Kristiania, 1923. (Videnskapselskapets Skrifter. II. Hist.-Filos. Klasse. 1922. No. 3). 357 s.
- Pape C. Three Forgotten Border Treaties: Implications for Our Understanding of the Medieval Russian-Norwegian Frontier // Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders. M., 2005. P. 29–39.
- Poulsen-Hansen L. P. Forbindelserne mellem Danmark og Rusland // Scandinavian Philology. 2018. Vol. 16. Issue 1. P. 169–187. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2018.112> (дата обращения: 18.11.2021).

Rasmussen K. Historie og diplomati // Dansk-russiske forbindelser gennem 500 år. København, 1964. S. 11–45.

Selnes K. Norge–Russland, grannefolk gjennom tusen år. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972. 232 s.

References

Bantysh-Kamenskii, N. N. Obzor vneshnikh snoshenii Rossii (po 1800 god): Ch. 1–4 [Overview of Russia's Foreign Relations (up to 1800)]: Parts 1–4]. Moscow, 1894. [Part 1]. (Avstriya, Angliya, Vengriya, Gollandiya, Daniya, Spaniya) [(Austria, England, Hungary, Holland, Denmark, Spain)]. X, [6], 304 p.

Belov, M. I. Arkticheskoe moreplavanie s drevneishikh vremen do serediny XIX veka [Arctic Navigation from Ancient Times to the Middle of the 19th Century]. Moscow, 1956. 591 p., 6 l. of maps.

Christensen, C. S. Denmark-Russia Relations in the Years 1493–1924: Vikings, the Baltic Sea, Sweden, Poland–Lithuania, Royal Dynasties, Tsar Peter III, Naval Officers and Trade Companies. In *Studia Humanitatis*. 2018. No. 3. URL: <http://st-hum.ru/content/christensen-cs-denmark-russia-relations-years-1493-1924-vikings-baltic-sea-sweden-poland> (Accessed November 18, 2021).

Dalgård, S. Det Petsoriske kompagni af 1619. København, 1955. 103 s.

Derzhavin, V. L. Severnyi Murman v XVI–XVII vv. (k istorii russko-evropeiskikh svyazei na Kol'skom poluostrove) [Northern Murmansk in the 16th – 17th Centuries (On the History of Russian-European Relations on the Kola Peninsula)]. Moscow, 2006. 143 p.

Dosifei (Nemchinov), arkhim. Geograficheskoe, istoricheskoe i statisticheskoe opisanie stavropigial'nogo pervoklassnogo Solovetskogo monastyrya i drugikh podvedomykh sei obiteli monastyrei, skitov, prikhodskikh tserkvei i podvor'ev, s prisovokupleniem mnogikh tsarskikh, patriarshikh i drugikh, znamenitykh grazhdanskikh i dukhovnykh lits, grammat, otnosyashchikhsya k istorii sego monastyrya [Geographical, Historical and Statistical Description of the Stavropigialny First-class Solovetsky Monastery and Other Monasteries, Sketes, Parish Churches and Farmsteads Subordinate to This Monastery, with the Addition of Many Royal, Patriarchal and Other Famous Civil Persons' and Clergy's Acts Related to the History of This Monastery]. 2nd ed. Moscow, 1853. Part 1. 298 p.

Fedorov, P. V. "Laplandskii spor" ["Lapland Dispute"]. In *Voprosy istorii*. 2006. No. 9. Pp. 152–156.

Fedorov, P. V. O poyavlenii russkogo rubezha v Laplandii (po sledam odnoi diskussii) [About the Appearance of the Russian Border in Lapland (Some of the Results of the Discussion)]. In *Arktika i Sever*. 2017. No. 26. Pp. 53–75.

Fedorov, P. V. Rossiya, okruzhennaya vodoi: obzor istorii Kol'skogo poluostrova. 1216–1991 [Russia Surrounded by Water: An Overview of the History of the Kola Peninsula. 1216–1991]. Saint Petersburg, 2021. 726 p.

Frumenkov, G. G. Solovetskii monastyr' i oborona Pomor'ya v XVI–XIX vekakh [Solovetsky Monastery and the Defense of Pomor Land in the 16th – 19th Centuries]. Arkhangelsk, 1963. 139 p.

Gorter, A. A., Gorter, V. T. Kamennaya letopis' na Bol'shom Anikieve [Stone Chronicle on Bolshoy Anikiev]. In *Solovetskoe more*. Arkhangelsk; Moscow, 2014. Issue 13. Pp. 58–68.

Gostev, I. M., Davydov, R. A. Russkii Sever v voynakh XVI–XIX vekov [The Russian North in the Wars of the 16th – 19th Centuries]. Arkhangelsk, 2014. 262 p.

Johnsen, O. A. Finmarkens politiske historie: aktmæssig fremstillet. Kristiania, 1923. (Videnskapselskapets Skrifter. II. Hist.-Filos. Klasse. 1922. No. 3). 357 s.

Koshechkin, B. I. Imena na skale [Names on the Rock]. Leningrad, 1981. 45 p.

Kovalenko, G. M. Delo Klimenta Blume. Epizod iz istorii datsko-russkikh otnoshenii XVII veka [The Case of Clement Blume. An Episode from the History of Danish-Russian Relations of the 17th Century]. In *Politicheskaya istoriya i istoriografiya (ot antichnosti do sovremennosti)*. Petrozavodsk, 2000. Issue 3. Pp. 58–63.

Kristensen, S. O. Datsko-russkie svyazi v period 1602–1658 godov [Danish-Russian Relations in the Period of 1602–1658]. In *Daniya i Rossiya – 500 let*. Moscow, 1996. Pp. 34–61.

Nikonov, S. A. Voevoda Vasiliy Turenin i ukreplenie oboronosposobnosti Kol'skogo ostroga v nachale 1620-kh godov [Voivode Vasiliy Turenin and the Military Buildup of the Kola Fort in the Early 1620s]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017. Vol. 17. No. 2. Pp. 153–157.

Nikonov, S. A. Datskoe napadenie na Murmanskii bereg v 1623 g.: k voprosu ob organizatsii oborony Pomor'ya [The Danish Attack on the Murmansk Coast in 1623: On the Question of the Organization of the Defense

- of Pomor Land]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkheografii: k 90-letiyu N. N. Pokrovskogo*. Novosibirsk, 2020. Pp. 204–212. [Nikonov, 2020a]
- Nikonov, S. A. “Kto v more ne khodil, tot Bogu ne malivalsya”: Promyslovaya kolonizatsiya Murmanskogo berega i Novoi Zemli krest'yanami i monastyryami Pomor'ya v XVI–XVIII vv. [“Those Who did not Go to Sea did not Pray to God”: Commercial Colonization of the Murmansk Coast and Novaya Zemlya by Peasants and Monasteries of Pomor Land in the 16th – 18th Centuries]. Moscow; Saint Petersburg, 2020. DOI 10.31754/nesstor4469-1771-6 [Nikonov, 2020b]
- Nikonov, S. A., Tolkachev, M. V. Poddannye dvukh gosudarei: saamskie pogosty Kol'skogo poluoostrova v usloviyakh russko-datskogo pogranichnogo konflikta vtoroi poloviny XVI – pervoi chetverti XVII v. [Subjects of Two Sovereigns: Sami Pogosts of the Kola Peninsula in the Russian-Danish Border Conflict of the Second Half of the 16th – the First Quarter of the 17th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 1 (83). Pp. 66–84. DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.005
- Pape, C. Three Forgotten Border Treaties: Implications for Our Understanding of the Medieval Russian-Norwegian Frontier. In *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005. Pp. 29–39.
- Poulsen-Hansen, L. P. Forbindelserne mellem Danmark og Rusland. In *Scandinavian Philology*. 2018. Vol. 16. Issue 1. Pp. 169–187. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2018.112> (Accessed November 18, 2021).
- Rasmussen, K. Historie og diplomati. In *Dansk-russiske forbindelser gennem 500 år*. København, 1964. S. 11–45.
- Savich, A. A. Solovetskaya votchina XV–XVII v. (Opyt izucheniya khozyaistva i sotsial'nykh otnoshenii na krainem russkom severe v drevnei Rusi) [The Solovetsky Patrimony in the 15th – 17th Century (An Attempt of Studying the Economy and Social Relations in the Far North in Old Rus)]. Perm, 1927. [8], 280 p.
- Selnes, K. Norge–Russland, grannefolk gjennom tusen år. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972. 232 s.
- Shaskol'skii, I. P. Ekonomicheskie svyazi Rossii s Daniei i Norvegiei v IX–XVII vv. [Economic Relations of Russia with Denmark and Norway in the 9th – 17th Centuries]. In *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii. IX–XX vv.* Leningrad, 1970. Pp. 9–63.
- Solov'ev, S. M. Sochineniya: V 18 kn. [Works: In 18 Books]. Moscow, 1990. Book 5. Vol. 9–10. 718 p.
- Ul'yanov, N. I. Feodal'naya kolonizatsiya i ekonomika Murmana v XVII v. [Feudal Colonization and the Economy of Murmansk in the 17th Century]. In *Istoricheskii sbornik: In 5 vol.* Leningrad, 1934. Vol. 1. Pp. 89–139.
- Ushakov, I. F. Kol'skaya zemlya: Ocherki istorii Murmanskoi oblasti v dooktyabr'skii period [The Kola Land: Essays on the History of the Murmansk Region in the pre-October Period]. Murmansk, 1972. 672 p.
- Ushakov, I. F., Dashchinskii, S. N. Kola [Kola]. Murmansk, 1983. 193 p.
- Venge, M. Kopengagenskii traktat 1493 goda i datsko-russkie svyazi v XVI veke [The Copenhagen Treatise of 1493 and Danish-Russian Relations in the 16th Century]. In *Daniya i Rossiya – 500 let*. Moscow, 1996. Pp. 10–33.

Sergey A. Nikonov

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Mikhail V. Tolkachev

Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Samara, Russia

DANISH ATTACK ON THE MURMANSK COAST IN 1623:
HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE AND THE COMPOSITION OF SOURCES

The article discusses the issues of studying sources reporting on the Danish attack on the Murmansk coast in 1623. The reason for this attack was the arrest in Kola of Clemend Blomme, a Danish merchant. In Russian historiography, the attack is considered as a consequence of the territorial disagreements between Denmark and the Moscow State in the Far North. Scandinavian researchers pay attention to the economic contradictions between the countries. Documents covering the Danish attack have been preserved in the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts; these documents include letters of the voivodes of the Pomor lands, lists of looted property, materials of the investigation of Prince V. I. Turenin.

Keywords: Murmansk coast, Clemend Blomme, an attack, Pomor Land, a voivode, Kola Fortress

